

К дому на околице мы с Игорем подъезжали уже в сумерках. В небе вспыхнули первые звёздочки, запахло клевером и навозом. Посигналили. Из ворот выскочил Степан с вилами в руках и бросился к машине.

«Всё-таки приехали, братцы, – радовался он, – не зря я баньку-то протопил!» И, обняв нас за плечи, увлёл во двор.

На крылечко с подойником в руках вышла мать Степана и, поздоровавшись, заспешила в пригон, где призывно мычала бурёнка. Тёплый вечер, напоенный мятой, настраивал на лирический лад, но Стёпка заставил нас быстро раздеться и, хлопнув по спинам, скомандовал:

– Живо вниз по тропинке в баню. Там дед Анисим, а я с коровой управлюсь и к вам.

Босиком, в одних плавках, мы ринулись с косогора в омут тумана и ночи. Слева за лопухами – крыша. Перепрыгнув через прясло, я открыл дверь в баню. Темно и жарко, как в преисподней.

– А где же свет и дед Анисим? – вырвалось у меня. Ища выключатель, я пошарил рукой по стене, но нащупал лишь таз с водой и скамью, на которую и уселся, пропуская вперёд

ползущего за мной Игоря. Тот сразу же наткнулся на полок, левой рукой скользнул по белевшим «холмам» и раздражённо произнёс:

– Вот ведь какую задницу нагулял. А борода-то как у Хоттабыча, – и правой рукой легонько дёрнул за волосы, – угорел, что ли, дед?

– Поддай-ка жару, внученька, – заскрипел кто-то. И мокрые листья веника облепили лицо сунувшегося Игоря.

... В белой шёлковой ночнушке, гремя коробком, сбегала вниз Танюшка, боясь за престарелую и глухую бабушку Матрёну.

«Звал же Степан к себе в баню по-белому, так нет, своя кочегарка милей старой карге», – злилась внучка.

Зайдя внутрь баньки, Татьяна чиркнула спичкой. Летней зарницей вспыхнуло и погасло видение: чья-то намыленная голова и чёрная спина атлета, нахлестывающая веником постанывающую Матрёну.

– Степан! Ан-ан-ан... – эхо заречного бора в ужасе рванулось к соседу. А через пару минут рассыпался смех Степана.

– На выход, черти, – пробасил Степан. И мы с Игорем в мыле выскочили наружу.

– За мной, – не давая опомниться, он тут же потащил нас куда-то в крапиву.

А бабушка Матрёна, кряхтя, сползла с полки и, опираясь на внучку, приговаривала:

– Вот уж уважила, так уважила, девонька. Все мои болячки повыгнала, теперь уж до ста лет дотяну...

НЕ ТЯНЕТ

Как-то раз я пошёл за грибами в соседнюю деревушку Выселки, от которой осталось одно лишь название да ещё хата Гришки Марусова. Бугаистый Гришка был туговат на подъём и после укрупнения деревень, в отличие от соседей, не особенно спешил покидать родные места. Так и жил бирюком с матерью, старенькой Матрёной.

Возле зарастающей дороги ковром росли валуи. От сопливых «бычков» меня оторвал скрип колёс. За осинками проплыла тарахтящая телега Гришки, которую, не спеша, тащил здоровенный комолый бык. На этого быка давно зарился председатель колхоза. Он предлагал за него Гришке лошадь. Тот вроде бы соглашался на обмен, но только живым весом. Мысленно поставив на чашу весов быка, председатель прикинул, что для равновесия на другую чашу придётся загонять двух лошадей, и сразу сник. Предложение повисло в воздухе.

В Выселках, возле Гришкиной хаты, в густых зарослях дремучей крапивы я услышал жалобное мяуканье кота. Тогда я ещё не знал, какую травму он получил час назад.

А час назад бабка Матрёна, высунув из окошка голову, окликнула лежавшего на телеге сына: «Гришка! Хватит дрыхнуть! Слазь-ка лучше на крышу да прочисти трубу, а то совсем не тянет».

Гришку тем более не тянуло пурхаться в саже, но матушки он побаивался, и пришлось подняться. С завалинки, щуря зелёные глаза и позёвывая, на него поглядывал блондинистый упитанный кот. Этот котяра был чем-то сродни хозяину, был таким же лежебокой и совсем не хотел ловить мышей. Зато он умел ласково чесать спину и хвост об ноги Матрёны, подоившей корову. Сложив голову на согнутые лапы, кот

внимательно наблюдал за Гришкой, который мотылялся по двору в поисках метлы с верёвкой. Найдя всё необходимое, Гришка подхватил кота лопатистыми руками. Вскоре кот ангелом вознёсся на крышу. Сколько кот не артачился, ему всё ж пришлось покориться судьбе. Привязанный верёвкой к метле, он не успел даже махнуть хвостом, как очутился в трубе, где сорвался с метлы и полетел в преисподнюю с заполошным мяуканьем.

«Прочистил?» – спросила Матрёна Гришку, выглядывая из окошка. «Долго ли умеючи. Затопляй», – махнул тот рукой, слезая с крыши.

Бабка подошла к печке, открыла вьюшку и только хотела поджечь берестинку под дровами, как из чувала посыпались ошмётки сажи и следом на шесток свалился чёрный аспид с горящими глазами. Он вспрыгнул на горб Матрёны, и у той от страха подкосились ноги. Она без памяти упала на пол, ударившись о скамью. При виде лежащей на полу матушки очумелый Гришка помчался запрягать быка.

Такая вот история случилась в Выселках, после которой дым из Гришкиной трубы куролесил по всей округе. Знать, трубочист хороший попался.

